

© 1997 г.

И.Е. Суриков

ПЕРИКЛ И АЛКМЕОНИДЫ

Наверное, ни одна из многочисленных работ, посвященных Периклу, не обходится без упоминания о его принадлежности по женской линии к роду Алкмеонидов. Некоторые исследователи прямо называют Перикла Алкмеонидом¹. Однако дальше констатации факта дело обычно не идет: при характеристике родословной Перикла приводятся некоторые общие сведения из истории Алкмеонидов, иногда дается стемма и... этим, как правило, экскурс заканчивается². В качестве наиболее значимого исключения из данного правила следует назвать в высшей степени интересную статью Р. Сили «Вступление Перикла в историю» (впервые опубликованную в 1956 г.), в которой предпринимается аргументированная попытка проследить связь между происхождением Перикла и его политической деятельностью³. Однако статья эта появилась уже сорок лет назад, кроме того, многие ее положения спорны и даже сознательно-дискуссионны. Безусловно, попытки связать «политику и генеалогию» в жизни и деятельности Перикла предпринимались и позднее⁴, но не в специальных работах об этом деятеле, а в исследованиях более общего характера, авторы которых не задавались целью осветить проблему в совокупности всех ее аспектов.

Вопрос, прежде всего встающий в свете отмеченной выше родственной связи Перикла с Алкмеонидами, заключается в следующем: проявлялась ли эта связь в его жизни и деятельности, и если проявлялась, то каким образом, когда и при каких обстоятельствах? Данный вопрос представляет интерес еще и потому, что Алкмеониды – род в афинской истории уникальный во многих отношениях: по своей роли в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э., по сравнительному обилию относящегося к нему источниковому материалу, наконец, в религиозном плане – постольку, поскольку над ним тяготело старинное родовое проклятие (Килонова скверна). Этот последний фактор не следует сбрасывать со счетов: связанная с ним античная традиция не позволяет пренебречь им как маловажным⁵. Памятуя о том, что весьма

¹ Например, *Burn A. Pericles and Athens. L., 1948. P. 240; Knell H. Perikleische Baukunst. Darmstadt, 1979. S. 2; Schmidt G. Fluch und Frevel als Elemente politischer Propaganda im Vor- und Umfeld des Peloponnesischen Krieges // Rivista storica dell' antichità. 1990. 20. P. 17; Lavelle B. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peististratids, c. 560–510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 62.* На это есть все основания. Так, Алквиад у Фукидида (VI.89.4) прямо называет себя Алкмеонидом, а он также принадлежал к этому роду лишь по матери.

² Именно такой подход характерен для работ: *Delcourt M. Périclès. P., 1939; De Sanctis G. Pericle. Milano, 1944; Homo L. Périclès. P., 1954; Schwarze J. Die Beurteilung des Perikles durch die attische Komödie und ihre historische und historiographische Bedeutung. München, 1971; Châtelet F. Périclès et son siècle. P., 1990; Kagan D. Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N.Y., 1991.*

³ *Sealey R. The Entry of Pericles into History // Perikles und seine Zeit. Darmstadt, 1979. S. 144–161.*

⁴ *Bicknell P.J. Studies in Athenian Politics and Genealogy. Wiesbaden, 1972. P. 77–83; Littman R.J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. N.Y., 1990. P. 193–223; Fornara C.W., Samons L.J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991. P. 1–36.*

⁵ Подробнее см. *Суриков И.Е. Килонова скверна в истории Афин VII–V вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.*

важная роль родственных связей в политической жизни V в., особенно для старой аристократии, со времен исследований Р. Силя, Р. Коннора и др.⁶ стала в определенной степени общим местом историографии, уже а priori представляется маловероятным предположение, что «алкмеонидовское» происхождение Перикла не влекло за собой никаких последствий.

В антиковедении существуют различные точки зрения относительно того, отражала ли политика Перикла интересы Алкмеонидов или же он руководствовался исключительно благом Афин. Первого взгляда придерживался в свое время Эд. Мейер⁷, считавший даже, что Перикл планировал ввести в Афинах наследственное правление Алкмеонидов с Алквиадом в качестве преемника (это последнее предположение, на наш взгляд, не находит никакого подтверждения в источниках). В значительно смягченной форме этот тезис высказывался в течение последних десятилетий Р. Силя, П. Бикнеллом, Р. Литтманом, Ч. Форнаррой и Л. Сэмонсом в вышеупомянутых работах (см. прим. 3 и 4).

Нет недостатка и в примерах противоположной точки зрения. Так, В. Эренберг считал, что Перикл не руководствовался интересами Алкмеонидов, несмотря на родственные связи с ними; аналогичные связи с этим родом (по жене) были и у Кимона, политического противника Перикла⁸. М. Финли полагал, что Перикл (как за столетие до него Писистрат), напротив, принципиально боролся с влиянием аристократических родов⁹. По мнению Дж. Обера, хотя по происхождению и богатству Перикл был выходцем из традиционной аристократии, по типу практиковавшихся им в политической деятельности связей он принадлежал уже к новому типу «элиты» в демократическом полисе¹⁰. В любом случае подчеркивается, что Перикл – переходная фигура, знаменующая собой определенную границу, веху в истории афинской политической борьбы. Методы этой борьбы, механизмы влияния, да и сами действующие лица в послеперикловскую эпоху совсем иные, чем до нее. Перикла по достоинству можно назвать последним представителем старой аристократии у власти в Афинах¹¹. Этот резкий перелом произошел именно в годы длительного фактического правления «первого человека» (Thuc. I. 139.4), и ясно, что он, как никто другой, своей деятельностью способствовал перемене. Как же выйти из столь парадоксальной ситуации: Перикл – знатнейший аристократ и Перикл – политик, резко снизивший роль аристократии, расчистивший дорогу демагогам? Безусловно, в пределах данной статьи нет возможности дать ответ на столь глобальный вопрос. Мы рассмотрим лишь те его аспекты, которые прямо связаны с Алкмеонидами.

Штрихи к генеалогии Перикла. Перикл, сын Ксантиппа из Холарга, по мужской линии происходил из знатного аттического рода Бузигов (Βουζύγαι), о чем свидетельствует комедиограф конца V в. до н.э. Евполид (Aristid. XLVI. 130 cum schol. = Eupolis Fr. 96 Kock). В конце прошлого века У. Виламовиц выступил против такой идентификации¹², опираясь на тот факт, что Бузигом в другом месте у Евполида (fr. 97 Kock = Schol. Aristoph. Lys. 397), а также у Аристофана (Lys. 397 – точнее,

⁶ Connor W.R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971. P. 10–14; Sealey R. A History of the Greek City States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 157. Cp. Daverio Rocchi G. Politica di famiglia e politica di tribù nella polis ateniese (V secolo) // Acme. 1971. V. 24. Fasc. 1. P. 13–44; Frost F.J. Tribal Politics and the Civic State // American Journal of Ancient History. 1976. 1. 2. P. 66–75; Finley M.I. Politics in the Ancient World. Cambr., 1984. P. 64–65; Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. Princeton, 1989. P. 84–86; Littman. Op. cit. Passim.

⁷ Meyer Ed. Geschichte des Altertums. 9 Aufl. Essen, 1984. Bd 6. S. 532. Критику взгляда см. Kagan D. The Archidamian War. Ithaca–London, 1974. P. 125.

⁸ Ehrenberg V. From Solon to Socrates. L., 1968. P. 207 f.

⁹ Finley. Op. cit. P. 47.

¹⁰ Ober. Op. cit. P. 90.

¹¹ Cp. Залюбовина Г.Т. Динамика становления государственности в Афинах (роль родовой аристократии) // Раннеклассовые формации. М., 1984. С. 19.

¹² Wilamowitz-Moellendorff U. von. Aristoteles und Athen. Bd 2. B., 1893. S. 86; cp. Ehrenberg V. Sophocles and Pericles. Oxf., 1954. P. 75.

«Холозигом», Холоζύγης) назван Демострат, оратор конца V в. Однако, насколько можно судить, данный аргумент иррелевантен. Если Демострат был Бузигом, из этого отнюдь не вытекает, что Перикл таковым не являлся. В таком случае они были родственниками, что, кстати, косвенно подтверждается двумя обстоятельствами. Во-первых, в пародийном «Холозиге» Аристофана (смесь слов χολή, «желчь», и Βουζύγης) явственно слышится еще и аллюзия на дем Холарг, к которому, очевидно, принадлежал Демострат. Перикл, как известно, тоже был из Холарга. Во-вторых, в 415 г. Демострат выступал как активный сторонник Алкивиада (Aristoph. Lys. 391 sqq.; Plut. Alc. 18; Nic. 12), близкого родственника Перикла. Таким образом, отрицать принадлежность Перикла к Бузигам нет достаточных оснований¹³.

Род Бузигов не относился к числу наиболее блестящих и влиятельных афинских родов, как Филаиды или Алкмеониды, но также был весьма древним и почтенным. Род этот был жреческим (ἱερός, ср. Schol. Aristid. loc. cit.), т.е. контролировал локальный культ (впрочем, такой контроль осуществляла скорее всего одна из семей рода, и вряд ли это была семья, из которой происходил Перикл). Это был культ основоположника рода, героизированного под именем Эпименид (Hesych. s.v. Βουζύγης). Этот Бузиг-Эпименид принадлежал к окружению известного земледельческого героя Триптолема и почитался как первый человек, впрягший быков в ярмо (отсюда – название рода). Статуя Эпименида стояла в Афинах рядом с храмом Триптолема и медным изваянием быка. Павсаний (I.14.4) перепутал его с Эпименидом Критянином. Таким образом, Бузиг входил в круг элевсинских героев (Serv. in Verg. Georg. I.19), что подтверждается жреческими обязанностями рода Бузигов в Элевсине по содержанию священных быков уже в историческую эпоху (Schol. Aristid. loc. cit.). А это говорит о том, что сам род, вероятнее всего, элевсинского происхождения.

Однако одна из ветвей рода, а именно та, из которой происходил Перикл, очевидно, уже в весьма раннюю эпоху переселилась в Афины и заняла там достаточно влиятельное положение. В списке пожизненных афинских архонтов, сохранившемся у эллинистического историка Кастора (FGrHist 250 F4), фигурирует имя некоего Арифрона. Арифрон – очень редкое имя, в Афинах зафиксированное только у Бузигов. Это дает основание полагать, что уже в период ранней архаики Бузиги находились в отношениях родства с правящей династией Медонтидов¹⁴. Кстати, аналогичное родство с Медонтидами наблюдается в это время и у Алкмеонидов, о чем говорят имена Мегакл и Алкмеон, встречающиеся в том же списке.

Резиденцией данной семьи рода Бузигов уже тогда, судя по всему, был Холарг, впоследствии дем городской триттии филы Акамантиды, находившийся в долине Кефиса, к северо-западу от Афин, по соседству с внешним Керамиком¹⁵. Именно в Холарге проживал отец Перикла Ксантипп на момент клисфеновских реформ, к этому дему были приписаны и его потомки (Plut. Per. 3). Проживание на аттической равнине (πεδῖον), в непосредственной близости от города для знатной и богатой семьи, как правило, влекло за собой раннее участие в политической жизни, контакты с другими влиятельными родами. И действительно уже в VI в. до н.э. можно обнаружить тесные связи Бузигов (так мы для краткости будем впредь называть семью Перикла по мужской линии) как с Писистратидами, так и с Алкмеонидами.

Дед Перикла Арифрон, насколько можно судить, был достаточно заметной фигурой в Афинах середины VI в. Сохранившийся на одном из оксиринских папирусов фрагмент философского диалога неизвестного автора позднеклассической эпохи изображает Арифрона в качестве собеседника Писистрата (Pap. Oxy. IV. 664. 101–

¹³ Из работ последнего времени, где признается принадлежность Перикла к Бузигам: *Строжецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 55; *Schwarze.* Op. cit. S. 130; *Châtelet.* Op. cit. P. 105–111.

¹⁴ *Arnheim M.* Aristocracy in Greek Society. L., 1977. P. 42–51.

¹⁵ *Homo.* Op. cit. P. 7; *Gomme A.W.* The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Repr. ed. Westport, 1986. P. 37–39.

102)¹⁶, т.е. близкого к нему лица. Что касается ранних связей Бузигов с Алкмеонидами, необходимо остановиться на выдвинутой П. Бикнеллом¹⁷ в высшей степени интересной гипотезе, согласно которой жена Арифрона (следовательно, мать Ксантиппа и бабка Перикла) происходила из этого рода. Данное предположение не может считаться окончательно доказанным, но прекрасно вписывается в исторический контекст, позволяет непротиворечиво разрешить некоторые дискуссионные проблемы (подробнее см. ниже), а в последнее время получает новые косвенные подтверждения¹⁸.

Реконструкция событий, вытекающая из гипотезы Бикнелла, имеет примерно следующий вид. Связи между Бузигами, Алкмеонидами и близкими к последним в тот период Писистратидами существовали еще в первой половине VI в. до н.э. (все эти роды относились к окружению Солона¹⁹). После изгнания Писистратом Алкмеонидов в 546 г.²⁰ Бузиги, судя по всему, остались в Афинах. После смерти Писистрата произошло примирение сыновей тирана с Алкмеонидами и возвращение последних (и ряда других аристократических родов) в Атику. В это время Алкмеониды восстанавливают свои старые связи посредством ряда политических браков. С одной стороны, Гиппократ, брат архонта 525/4 г. Клисфена, женится на дочери Гиппия (от этого брака родилась Агариста, будущая мать Перикла²¹). С другой стороны, тогда же сестру Гиппократа и Клисфена (имя ее неизвестно) выдают замуж за Арифрона; от их брака около 526 г. на свет появился отец Перикла Ксантипп, в самом имени которого с корнем ἴππος звучит аристократизм происхождения, что подметил еще Аристофан (*Nub.* 64 *cum schol.*). Характерно, что такого рода «гиппотрофические» имена часты у Алкмеонидов и особенно Писистратидов, но больше не встречаются у Бузигов (не считая старшего сына Перикла – Ксантиппа, названного по деду).

В 514 г. до н.э. Алкмеониды были в очередной раз изгнаны из Афин, вероятно, в связи с неудавшимся заговором Гармония и Аристоклитона, к которому они были причастны. В это изгнание Бузиги, судя по всему, последовали за Алкмеонидами. Их связи продолжали укрепляться. Гиппократ (брат Клисфена и дядя по матери Ксантиппа), брак которого с дочерью Гиппия был расторгнут, около 511 г. женился вторично, на этот раз на своей племяннице, дочери Арифрона и сестре Ксантиппа (имя неизвестно²²). Сын, родившийся от этого брака, также получил имя Ксантипп. Этот Ксантипп, сын Гиппократа, был впоследствии архонтом-эпонимом 479/8 г. (*Mar. Par.* A52; *Diod.* XI. 27.1); не следует путать его с Ксантиппом, отцом Перикла, который в том же году был стратегом (*Diod.* XI. 27.3)²³.

Жизнь и деятельность Ксантиппа, сына Арифрона, – одного из крупнейших политических деятелей и полководцев раннеклассических Афин – крайне скудно и фрагментарно освещены античной традицией и в силу этого практически не были

¹⁶ Впервые этот факт отмечен в работе: *Figueira T.J.* Xanthippos, Father of Pericles, and the Prutaneis of the Naukraroi // *Historia.* 1986. 35. 3. S. 257–279.

¹⁷ *Bicknell P.J.* Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // *Historia.* 1974. 23. 2. S. 146–163.

¹⁸ См. Суриков И.Е. По поводу новой публикации острака // ВДИ. 1996. № 2. С. 143–146.

¹⁹ *Litman.* Op. cit. P. 81–106.

²⁰ Сам Бикнелл (*Bicknell P.J.* The Exile of the Alkmeonidai during the Peisistratid Tyranny // *Historia.* 1970. 19. 2. S. 129–131) склонен отрицать изгнание Алкмеонидов Писистратом, однако его аргументация недостаточно убедительна. В настоящее время этот факт можно считать твердо установленным. Ср. *Stahl M.* Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen. Stuttgart, 1987. S. 120–133; *Camp J.* Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy.* Oxf., 1994 (далее – AAAD). P. 7.

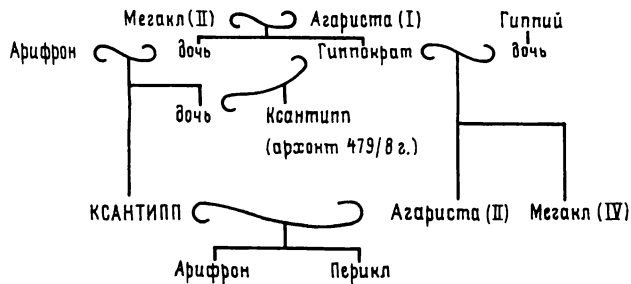
²¹ Таким образом, Перикл приходился праправнуком Писистрату. Бикнелл считает, что именно в этом причина внешнего сходства между ними, которое отмечали (*Plut.* *Per.* 7).

²² Одной из самых больших сложностей, встающих в связи с занятиями аттической просопографией, является именно крайне редкое упоминание источниками женских имен. См. по этому поводу *Gomme.* Op. cit. P. 80–81. В классических Афинах упоминать личные имена женщин из порядочных семей было просто не принято (*Schaps D.* The Woman Least Mentioned // *CIQ.* 1977. 27.2. P. 323–330).

²³ О Ксантиппе, сыне Гиппократа, см. *Figueira.* Op. cit. P. 257.

предметом исследования²⁴. Ксантипп уже в силу своего происхождения в течение всей жизни был тесно связан с Алкмеонидами. Его близость к этому роду оказалась для молодого политика весьма полезной после возвращения Алкмеонидов в Аттику (510 г.)²⁵ и их фактического прихода к власти в Афинах во главе с Клисфеном (507 г.). Таким образом, Ксантипп получил возможность начать политическую карьеру в рядах наиболее влиятельной группировки. Он продолжил линию своей семьи на все более тесные связи с Алкмеонидами, вступив около 496 г.²⁶ в брак с Агаристой (Herod. VI. 131.2), дочь Гиппократа и своей двоюродной сестрой. От этого брака родились двое известных нам сыновей: старший – Арифрон²⁷ и младший – Перикл, появившийся на свет около 494 г.²⁸, а также дочь (Plut. Per. 36.7), вероятно, бывшая несколько моложе.

Возникшее в результате перечисленных «политических» браков крайне сложное переплетение семейных связей не могло не повести к тому, что Ксантипп (а следовательно – и его потомство) воспринимался современниками всецело в контексте Алкмеонидов.

В этот период Ксантипп уже был видной фигурой в афинской политической жизни. Следует, на наш взгляд, внимательно отнестись к словам Аристотеля (Ath. pol. 28.2) о том, что Ксантипп сменил Клисфена в роли лидера демократической группировки (τοῦ δήμου προεστῆκει). В исследованиях последнего времени неоднократно и справедливо отмечалось, что дуальная схема «демократы–олигархи», предлагаемая Стагиритом, для V в. до н.э. является безусловным упрощением; реальная картина политической борьбы была намного сложнее. Политическая жизнь раннеклассических Афин была не биполярной, а полицентричной: существовало большое количество малых политических групп, из которых формировались коалиции в связи с конкретной ситуацией²⁹. Очевидно, данный пассаж «Афинской политики» следует трактовать в

²⁴ *Timocreon* ap. *Plut.* Them. 21; *Arist.* Ath. pol. 22.6; 28.2. Лишь несколько статей посвящены отдельным эпизодам деятельности Ксантиппа, в частности его остракизму: *Raubitschek A.E.* The Ostracism of Xanthippos // *AJA.* 1947. 51. 3. P. 257–262; *Broner O.* Notes on the Xanthippos Ostrakon // *AJA.* 1948.52.2. P. 341–343; *Schweigert E.* The Xanthippos Ostrakon // *AJA.* 1949. 53. 3. P. 266–268; *Wilhelm A.* Zum Ostrakismos des Xanthippos, des Vaters des Perikles // *Anzeiger der Österreich. Akad. der Wiss. Philosoph.-hist. Kl.* 1949. 86. 12. S. 237–243; *Merkelbach R.* Nochmals das Xanthippos-Ostrakon // *ZPE.* 1986. 62. S. 57–62; *Figueira.* Op. cit. Единственная обобщающая работа: *Schaefer H.* Xanthippos (6) // *RE.* Reihe 2. Hlbd 18. Stuttgart, 1967. Sp. 1343–1346.

²⁵ Последняя известная нам работа по этому эпизоду: *Robinson E.W.* Reexamining the Alkmeonid Role in the Liberation of Athens // *Historia.* 1994. 43. 2. S. 363–369.

²⁶ См. *Davies J.K.* Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxf., 1971. P. 459 f.

²⁷ Поскольку Арифрон получил имя деда, он был, бесспорно, старшим сыном.

²⁸ Датировка рождения Перикла ок. 500 г. или ранее (*Fornara, Samons.* Op. cit. P. 24) значительно менее вероятна.

²⁹ *Connor.* Op. cit. P. 30–32; *Williams G.M.E.* Athenian Politics 508/7–480 B.C.: A Reappraisal // *Athenaeum.* 1982. 60. 3/4. P. 521–544; *Littman.* Op. cit. P. 165–191. Кстати, тот же полицентризм, «сегментацию политической жизни» Л.П. Маринович (Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 56–134) обнаруживает даже в Афинах эпохи Демосфена.

том смысле, что Ксантипп был после Клисфена главой группировки, концентрировавшейся вокруг Алкмеонидов.

Это представляется весьма вероятным. Зачастую считается, что главой Алкмеонидов в это время стал Мегакл, сын Гиппократ, а это вряд ли соответствует действительности. Мегакл, любитель колесничных бегов, пифийский победитель 486 г. до н.э. и друг-гостеприимец поэта Пиндара, совершенно неизвестен как политик; к тому же он был, судя по всему, моложе Ксантиппа. Логичнее предположить, что Алкмеонидов в начале V в. возглавил именно Ксантипп, связанный с ними теснейшими узами.

Характерно, что после Марафонского сражения Ксантипп, в отличие от большинства Алкмеонидов (Herod. VI. 115.2), не навлек на себя обвинений в персидской измене, и авторитет его еще в 489 г. был весьма высок: об этом можно судить по тому факту, что им был выигран судебный процесс против Мильгиада, проходивший не в дикастерии, а непосредственно в народном собрании (δῆμος, ср. Herod. VI. 136); иск носил форму проβολή³⁰. Интересно, что по сообщению одного позднего автора (Schol. Aristid. XLVI.160), Мильгиад был обвинен Алкмеонидами. Это еще один косвенный аргумент в пользу нашего предположения, согласно которому Ксантипп был лидером Алкмеонидов и их группировки.

В 484 г. до н.э. Ксантипп стал жертвой четвертой остракофории. Острака, относящиеся к ней, пока не обнаружены археологами. Найдено несколько десятков острака с именем Ксантиппа, относящихся к другим, более ранним остракофориям. В их числе – должно быть, самый интересный из всех найденных острака, содержащий эпиграмму (элегический дистих), в которой Ксантипп назван «оскверненным» (ἀλειτήρος)³¹. Недавно опубликованные³² острака против другого Алкмеонида – Мегакла, сына Гиппократ – также называют его ἀλειτήρος. Таким образом, не остается никаких сомнений относительно того, о каких «оскверненных» идет речь. Имеется в виду знаменитая Килонова скверна; в связи с ней античными авторами (Thus. I.126.11; Eurpolis fr. 96 Кокк; ср. Andoc. I.130–131; Lycurg. Leocr. 117) употребляется термин ἀλιτήρος (= ἀλειτήρος). Перед нами новое свидетельство того, что Ксантипп, а значит и Перикл, в общественном мнении был неразрывно связан с оскверненными Алкмеонидами (мнение Дж. Дейвиса, что после 489 г. эта связь была разорвана³³, не имеет под собой достаточных оснований).

Подробный экскурс в генеалогию Перикла по мужской линии был необходим для демонстрации того факта, что его связь с Алкмеонидами была глубже и уходила древнее, чем может показаться на первый взгляд. Бузиги давно, уже по меньшей мере с VI в. до н.э., имели тесные отношения с родом «проклятых». Если следовать изложенной выше гипотезе П. Бикнелла (а она находит все новые подтверждения и принята в настоящее время многими исследователями³⁴), Перикл был даже не наполовину, а на три четверти Алкмеонидом. К тому же роду принадлежала и его первая жена, имя которой неизвестно³⁵.

Место Алкмеонидов в афинской политической жизни. Необходимо прежде всего терминологическое уточнение относительно применения к Алкмеонидам обозначения

³⁰ Carawan E.M. Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS. 1987. 28. 2. P. 192–196.

³¹ См. Суриков. По поводу новой публикации острака. С. 144.

³² Brenne S. Ostraka and the Process of Ostrakophoria // AAAD. P. 13–24.

³³ Davies. Op. cit. P. 459–460; ср. Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia. Oxf., 1981. P. 274.

³⁴ Littman. Op. cit. P. 193 ff.

³⁵ Bicknell. Studies... P. 77–83; Cromey R.D. Perikles' Wife: Chronological Calculations // GRBS. 1982. 23. 3. P. 203–212. Впоследствии Р. Кромей идентифицировал жену Перикла с Диномахой, матерью Алквиада (idem. On Deinomache // Historia. 1984. 33. 4. S. 385–401). Однако при всей заманчивости этой гипотезы ее приходится отвергнуть (подробнее см. Суриков И.Е. Женщины в политической жизни позднеархаических и раннеклассических Афин // Античный мир и его судьбы в последующие века. Докл. конф. М., 1996. С. 47–48). Первая жена Перикла была родной сестрой Диномахи.

«род»: такое словоупотребление может показаться уязвимым в свете имеющихся в антиковедении существенных разногласий по поводу определения природы афинского рода (γένος). Этот вопрос был и остается одним из наиболее оживленно дискутируемых в литературе³⁶. Для лучшего понимания феномена рода очень важное значение имеют вышедшие в 1970-е годы работы французских ученых Ф. Буррио и Д. Русселя³⁷, противопоставивших традиционному пониманию греческого рода как клана (идушему еще от Дж. Грота, Л.Г. Моргана, Ф. Энгельса и др.) альтернативную концепцию. В частности, согласно Буррио³⁸, слово γένος не являлось terminus technicus и в разные эпохи имело различный смысл. В целом в Афинах можно выделить три типа объединений, в отношении которых употреблялся термин γένος: жреческие корпорации (Керики, Евмолпиды), древние общины, сохранившие собственные культы (Гефирей, Саламинии), наконец, политически влиятельные семьи (οἴκοι), к которым термин γένος начинает применяться лишь с IV в. до н.э. (Алкмеониды, Филаиды). Наличие в Афинах древней клановой организации с родовой земельной собственностью, родовыми усыпальницами и т.п. ученый отрицает. Эта точка зрения с теми или иными вариациями становится все более популярной в науке³⁹, хотя встречаются и принципиальные возражения⁴⁰.

Существует и промежуточная точка зрения, согласно которой γένος (род) был реалией, но действовал на политической арене не как таковой, а посредством одной или нескольких своих важнейших семей или «агнатных групп»⁴¹.

Все вышесказанное в полной мере относится к Алкмеонидам. Еще в 1931 г. Г. Уэйд-Гери высказал предположение, что они являлись не родом, а семьей (δίκη)⁴². Эта гипотеза была подхвачена рядом исследователей⁴³. Действительно, ни один из авторов V в. до н.э. (ни Пиндар, ни Геродот, ни Фукидид) не именует Алкмеонидов родом (γένος) в «техническом» смысле. На наш взгляд, в случае с Алкмеонидами понятия γένος и οἶκος на практике совпадают, в отличие от некоторых других родов (например, Кериков). Однако здесь в нашу задачу не входит окончательное суждение по этому вопросу; мы только хотели бы обосновать употребление нами слова «род» по отношению к ним. Мы опираемся на то обстоятельство, что в русском языке слово это (как и греческое γένος, по замечанию Буррио) не имеет технического смысла и может употребляться в разных значениях. Так, говоря о русских дворянских родах, имеют в виду вовсе не какой-то клан, а семью (или систему семей), связанную происхождением от общего, отнюдь не фиктивного предка. Именно в этом смысле мы употребляли до сих пор и будем впредь употреблять термин «род», безотносительно к его конкретному смысловому наполнению.

Относительно происхождения Алкмеонидов существуют две взаимоисключающие традиции. С одной стороны, Павсаний (II.18.8–9) выводит их из Пилоса, считая потомками династии Нелеидов. С другой стороны, Геродот если и не называет прямо Алкмеонидов автохтонами (его ἀνέκαθεν в VI.125.1 можно истолковать в этом смысле), то, во всяком случае, посвящая Алкмеонидам немало пассажей, нигде ни словом не

³⁶ Последняя известная нам работа, касающаяся этого сюжета: *Ленская В.С.* Аристократический этос в Афинах VII–V вв. до н.э.: Дис... канд. ист. наук. М., 1996. С. 20 слл. (правда, трактовка автора ставит больше новых проблем, чем разрешает уже имеющиеся).

³⁷ *Bourriot F.* Recherches sur la nature du genos. Little, 1976; *Roussel D.* Tribu et cité. P., 1976.

³⁸ *Bourriot.* Op. cit. P. 1347–1365.

³⁹ *Roussel.* Op. cit. P. 21–22; *Starr Ch.G.* The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B.C. N.Y., 1977. P. 137 f.; *Ober.* Op. cit. P. 55–60; *Ellis W.M.* Alcibiades. L., 1989. P. 99–102.

⁴⁰ Наиболее последовательный противник данной концепции – Р. Литтман (Op. cit. P. 15–23), упрекающий Буррио в игнорировании данных социальной антропологии.

⁴¹ *Залюбовина.* Ук. соч.; она же. Рудименты агнатного права в раннеклассовых обществах Греции // Ранние цивилизации: государство и право. М., 1994. С. 3–16. Ср. *Bicknell.* Studies... P. 59 f.

⁴² Перепечатано в книге: *Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 106–110.

⁴³ *Roussel.* Op. cit. P. 62–63; *Bourriot.* Op. cit. P. 10–13, 378–382, 549–560, 717, 1291–1292; *Dickie M.W.* Pindar's Seventh Pythian and the Status of the Alcmaeonids as Oikos or Genos // *Phoenix.* 1979. 33. 3. P. 193–209; *Stahl.* Op. cit. S. 81; *Fornara, Samons.* Op. cit. P. 3.

упоминает об их неафинском происхождении. В то же время о неафинских корнях Писистратидов (V.65.4), Филаидов (VI.35.1), Гефиреев (V.57) он говорит вполне однозначно⁴⁴. Каких-то иных свидетельств о происхождении Алкмеонидов не существует, помимо не вполне ясного указания лексикона Суды (s.v. Ἀλκμαιῶνιδαι), выводящего род от некоего Алкмеона, жившего (в Афинах?) во времена Тесея (τοῦ κατὰ Θησέα).

В данной ситуации любое суждение о корнях этого рода может опираться только на сравнительную ценность сообщений Геродота и Павсания. Мы склонны вслед за рядом исследователей⁴⁵ отдавать предпочтение молчанию «отца истории» перед свидетельством периегета II в. н.э., который, кстати, в том же месте без какой бы то ни было аргументации косвенно отвергает абсолютно аутентичную традицию о нелеидском происхождении Писистратидов. Павсаний, очевидно, отразил более позднюю (аттидографическую?) традицию, о которой Геродоту еще ничего не известно. Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что, во всяком случае, в середине V в. до н.э. Алкмеониды рассматривались в Афинах как автохтонный евпатридский род⁴⁶.

Земельные владения и резиденции Алкмеонидов бесспорно зафиксированы в двух других регионах. Во-первых, это три дема в ближайших окрестностях Афин, к югу от города – Алопека (ныне Куцоподи), судя по всему, являвшаяся главной резиденцией, Агрила (ныне Панкрати) и Ксипета (ныне Агиос-Сотир). Во-вторых – демы в собственно Паралии, т.е. на юго-западном побережье Аттики вне окрестностей Афин: Анафлист, Фреарры, Эгилия. Недавнее предположение Дж. Кэмпа⁴⁷ «расширить» районы контроля Алкмеонидов, введя туда демы юго-восточного побережья (Торик, Стирия, Прасии, Потамии), а также рудники Лаврия и святилище Посейдона на Сунии (которое в таком случае оказывается их культовым центром), до появления дальнейших археологических свидетельств нельзя назвать достаточно убедительным; в то же время оно противоречит устойчивому мнению, согласно которому Алкмеониды не имели собственного локального культового центра.

В течение всей своей истории Алкмеониды проводили чрезвычайно активную матримониальную политику, направленную на установление внутривосполненных межродовых связей, на формирование разного рода коалиций⁴⁸. «Алкмеонидовские» имена среди пожизненных архонтов (Castor, FGrHist 250 F4) говорят о том, что уже в эпоху ранней архаики Алкмеониды породнились с Медонтидами. Впоследствии, в VI–V вв., эта тенденция была продолжена и упрочена. Просопографические исследования последних десятилетий (особенно работы П. Бикнелла) все в большей степени открывают огромный размах внутриаггических брачных связей Алкмеонидов. К VI в. до н.э. восходят связи с Писистратидами, Бузигами (о чем говорилось выше), Кериками (семья Каллия–Гиппоника), возможно, также с Гефиреями. В V в. были установлены подобные же союзы с Филаидами (семья Мильтиада–Кимона), Саламиниями (семья Алквиада–Клиния) и др.

⁴⁴ В первых двух случаях для обозначения происхождения употреблено именно слово ἀνέκαθεν. Объяснение умолчания Геродотом о неафинских корнях Алкмеонидов его «симпатиями» к этому роду не выдерживает критики: распространенное мнение об этих «симпатиях» имеет под собой весьма шаткие основания, как показали: *Строжецкий В.М.* Геродот и Алкмеониды // ВДИ. 1977. № 3. С. 145–155; *Strasburger H.* Herodot und das perikleische Athen // *Historia*. 1955. 4. 1. S. 1–25; *Schwartz J.* Hérodote et Périclès // *Historia*. 1969. Bd 18. Ht 3. S. 367–370; *Lachenaud G.* Mythologies, religion et philosophie de l'histoire dans Hérodote. Lille, 1978. P. 153 suiv; *Develin R.* Herodotos and the Alkmeonids // *The Craft of the Ancient Historian*. Lanham, 1985. P. 125–139; *Ostwald M.* Herodotus and Athens // *ICS*. 1991. 16. 1/2. P. 142; *Lavelle*. Op. cit. P. 22.

⁴⁵ *Колобова К.М.* К вопросу о возникновении афинского государства // ВДИ. 1968. № 4. С. 41–55; *Davies*. Op. cit. P. 369; *Shapiro H.A.* Painting, Politics and Genealogy // *Ancient Greek Art and Iconography*. Madison, 1983. P. 87–96.

⁴⁶ Афинских евпатридов мы трактуем как собственно афинскую, городскую знать в противоположность знати аттических местечек (ср. *Bekker Anecd.* I.257).

⁴⁷ *Camp*. Op. cit. P. 9.

⁴⁸ О «политических браках» см. *Gernet L.* *Anthropologie de la Grèce antique*. P., 1968. P. 344–359; *Humphreys S.C.* *The Family, Women and Death*. L., 1983. P. 24.

Характерно, что при заключении брачных альянсов Алкмеониды отличались исключительной политической интуицией, всякий раз устанавливая именно те контакты, которые могли оказаться наиболее полезными в данный момент, и не останавливаясь перед разрывом этих контактов в случае необходимости. Матримониальная политика Алкмеонидов распространялась и за пределы Афин (Эретрия, Сикион). Впрочем, практиковались в этом роде также и эндогамные браки (например, брак Мегакла (IV) и его двоюродной сестры Кесиры, дочери Клисфена⁴⁹); последние, насколько можно судить, вообще характерны для греческой аристократии.

Ряд ученых высказывал (порой весьма категорично) мнение, согласно которому Алкмеониды уже с очень раннего времени, с VII в. до н.э. были как бы «отчуждены» от общей массы афинской аристократии, даже противопоставлены ей⁵⁰. Возможно, эта отчужденность несколько преувеличена и во всяком случае не имеет принципиальной идеологической подоплеки⁵¹. Тем не менее сам ее факт отрицать трудно. Действительно, существовала определенная (порой весьма существенная) специфика в механизмах влияния, применявшихся Алкмеонидами. В их политике большую роль, нежели у других родов, играли такие факторы, как внешние связи, проявление щедрости (μεγαλοπρέπεια), в частности, затраты на победы в состязаниях⁵², династические браки, наконец, прямая апелляция к демосу⁵³. В конечном счете именно представители Алкмеонидов (Клисфен, Перикл) сыграли первостепенную роль в становлении политической системы афинской демократии. Многие исследователи обоснованно отмечают, что в этих и других особенностях деятельности Алкмеонидов можно проследить немаловажное влияние Килоновой скверны, особого положения «оскверненного рода»⁵⁴.

Начало политической карьеры Перикла и Алкмеониды. Детство Перикла пришлось на десятилетие между Марафоном и Саламином. На него, вне всякого сомнения, оказали тягостное впечатление очередные «гонения» на Алкмеонидов, развернувшиеся в это время⁵⁵. В 486 г. до н.э. был изгнан остракизмом его дядя по матери Мегакл, два года спустя – его отец Ксантипп⁵⁶. Подвергались угрозе изгнания многие другие члены рода (их имена прочитаны на острака). На Алкмеонидов сыпались обвинения в Килоновой скверне (ἀλιτήριος), персидской измене (προδοταί, Μῆδοι), связях с тиранами (φίλοι τῶν τυράννων). Когда сам Перикл позже вступил на политическую арену, обвинения подобного рода должны были предъявляться и ему лично; не случайно, по замечанию Плутарха (Per. 7), в молодости Перикл очень боялся остракизма.

Первое упоминание о Перикле как о практическом деятеле относится к 472 г. до н.э. (IG II². 2318, 9–11). В этом году Перикл выступил в качестве хорега при постановке эсхиловских «Персов». На этом эпизоде карьеры начинающего политика стоит остановиться подробнее. В 472 г. Перикл был юношей 22 лет, и вряд ли хорегия была

⁴⁹ На это впервые обратил внимание Т.Л. Шир: *Shear T.L. Koisyra: Three Women of Athens // Phoenix*. 1963. 17. 2. P. 99–112.

⁵⁰ *Jacoby F. Attis: The Local Chronicles of Ancient Athens. Oxf., 1949. P. 271; Lévêque P., Vidal-Naquet P. Clisthène l'Athénien. P., 1964. P. 33 suiv.; Vernant J.-P. Mythe et pensée chez les Grecs. T. 1. P., 1971. P. 231–214; Stein-Hölkeskamp E. Adelskultur und Polisgesellschaft. Stuttgart, 1989. S. 155.*

⁵¹ *Forrest W.G. The Emergence of Greek Democracy. L., 1966. P. 146.*

⁵² Первым афинским олимпийским победителем в состязании колесниц-четверок (592 г.) был Алкмеон (*Herod. VI. 125; Isocr. XVI. 25; ср. Moretti L. Olympionikai. Roma, 1957. № 81*). К 486 г. Пиндар (Pyth. VII. 13–17) насчитывает уже, помимо победы Алкмеона, пять побед Алкмеонидов в Истмийских и две в Пифийских играх. В 436 г. Мегакл (V) одержал еще одну олимпийскую победу, тоже в состязании четверок (*Schol. Pind. Pyth. VII. hypoth; ср. Moretti. Op. cit. № 320*).

⁵³ *Davies. Op. cit. P. 369 ff.*

⁵⁴ *Williams G.W. The Curse of the Alkmaionidai: Themistokles, Perikles, and Alkibiades // Hermathena. 1952. 80. P. 58–71; Bourriot. Op. cit. P. 560; Arnheim. Op. cit. P. 136.*

⁵⁵ *Burn. Op. cit. P. 13.*

⁵⁶ Весьма вероятно, что в 485 г. был изгнан остракизмом еще один Алкмеонид – Каллий, сын Кратия (о нем см. *Shapiro H.A. Kallias Kratiou Alopekethen // Hesperia. 1982. 51. 1. P. 69–73*). Ср. *Arist. Ath. pol. 22.6*, где имя этого изгнанного не названо.

возложена на него лично. Судя по всему, первоначально литургом был Ксантипп. В таком случае он умер в конце 473 или начале 472 г.⁵⁷, и хорегию перенял его сын.

Хорегия, как и всякая литургия, была в Афинах прекрасной возможностью зарекомендовать себя для любого гражданина, вступающего на политическое поприще (ср. Thuc. VI.16.3 – в связи с Алкивиадом). Думается, совершенно не случайно в ходе этой хорегии рядом оказались имена Перикла и Эсхила. Связи хорега и драматурга не были, как правило, вызваны простым совпадением. Они знаменовали личную и политическую близость (как, например, у Фемистокла и Фриниха). В связи с этим упомянем два интересных факта. Во-первых, Эшил был родом из Элевсина, откуда, как мы выяснили, происходил род Бузигов. Во-вторых, имя последнего афинского пожизненного архонта (755/4–754/3 гг. до н.э.), упоминаемое Кастором, – Алкмеон, сын Эсхила⁵⁸. Афинская аристократическая ономастика – тема почти не исследованная, но известные факты говорят о том, что имена в этой среде давались отнюдь не случайно. Каждый знатный род имел более или менее устойчивый набор личных имен; перемещение последних из рода в род, как правило, являлось знаком родственных и матримониальных связей (наиболее ясно это видно как раз на примере Алкмеонидов). Таким образом, можно с немалой долей вероятности утверждать, что личные связи Эсхила и Перикла были давними, унаследованными от предков. Кстати, Эшил был ровесником или почти ровесником Ксантиппа.

Неоднократно отмечалось, что в ряде драм Эсхила присутствуют аллюзии на личность Перикла, на историю рода Алкмеонидов, в частности, в связи с Килоновой скверной⁵⁹. Такие аллюзии почти несомненны в «Эвменидах» и вообще в «Орестее», весьма вероятны в трагедии «Семеро против Фив», возможны в «Прометее». Цель их в общем можно определить как оказание поддержки молодому Периклу на заре его политической деятельности, в частности, оправдание начинающего и перспективного политика от дискредитирующих его наветов, связанных с Алкмеонидами, от обвинений в родовом проклятии.

Вероятно, уже тогда у Перикла возникло желание избавиться от обременительного наследия Алкмеонидов, по возможности уменьшить свою зависимость от «проклятого» рода. Но это было для него еще совершенно невозможно: любая политическая деятельность в первой половине V в. до н.э. обусловливалась прежде всего поддержкой родственников⁶⁰. Перикл же начинал свою карьеру по всем правилам афинской политики. После хорегии 472 г. мы встречаем его в конце 460-х годов в качестве стратега (Plut. Cim. 13). Эта, судя по всему, первая стратегия Перикла странным образом была упущена из вида Ч. Форнаррой. В своей монографии об афинских стратегах V в. до н.э. он датирует первую стратегию Перикла лишь 454/3 г. (Thuc. I.111.2)⁶¹. Э. Бадьян, первым обративший серьезное внимание на указанный пассаж Плутарха (точнее, Каллисфена, на которого тот ссылается), относит его к 465–463 годам⁶². Кажется, внутри этого временного промежутка можно обозначить и более точную дату. Принимая 494 г. как год рождения Перикла и помня о возрастном цензе для занятия должности стратега (30 лет), мы должны будем отнести первую стратегию Перикла к 464/3 г. Кстати, он исполнял эту магистратуру совместно с Эфиальтом, к группировке которого в тот период примыкал (Arist. Pol. 1274a10; Plut. Per. 9; Mor. 812d). Естественно, уже с молодости выступал Перикл и в качестве оратора в народном собрании и судах, сразу снискав себе репутацию великолепного мастера красноречия.

⁵⁷ После 479 г. Ксантипп исчезает из источников (Schaefer. Op. cit. Sp. 1346).

⁵⁸ Этот Алкмеон обычно признается лицом историческим (Bicknell. Studies... P. 60).

⁵⁹ См. о данном сюжете подробнее: Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 37–39; там же библиография вопроса.

⁶⁰ Connor. Op. cit. P. 10–18.

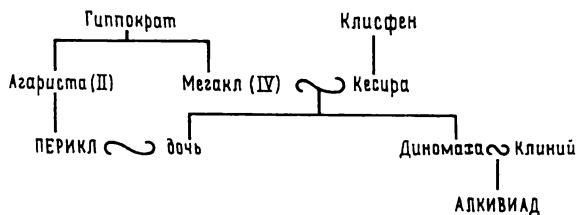
⁶¹ Fornara C.W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. P. 47. Кстати, и эту стратегию Перикла резоннее датировать 455/4 г. (Badian E. From Plataea to Potidaea. Baltimore–London, 1993. P. 102).

⁶² Badian. Op. cit. P. 13–14, 101.

Таким образом, уже с первых лет политической деятельности Перикла в ней сочетались и соперничали две тенденции: опора на Алкмеонидов, на их обширные связи, и отталкивание от них. Будучи реалистом, Перикл не мог не понимать, что без поддержки рода успеха достичь практически невозможно⁶³, и поэтому в первый период его карьеры, до середины 440-х годов, первая тенденция безусловно преобладала. Набирающий силу политик действовал поначалу всецело в ключе традиционных для Алкмеонидов механизмов влияния, в первую очередь укрепляя внутривидовые и межродовые связи⁶⁴. В середине 450-х годов он женился на своей двоюродной сестре, бывшей жене Гиппоника из рода Кериков (Plat. Prot. 314e; Plut. Per. 24)⁶⁵. Этим, кстати, укреплялись уже существовавшие связи Алкмеонидов с названным родом. Такие связи небезосновательно предполагаются уже в VI в.⁶⁶ Около 480 г. до н.э. был заключен мощный матримониальный союз между Алкмеонидами, Кериками и Филаидами: Исодика из рода Алкмеонидов была выдана замуж за Кимона, а сестра Кимона Эльпиника – за Керика Каллия, отца Гиппоника⁶⁷.

Старший из двух сыновей, родившихся от первого брака Перикла, был назван Ксантиппом, а второй – Паралом (Πάραλος), что должно было засвидетельствовать связь с Паралией, простатами которой издавна выступали Алкмеониды.

Перикл расширил матримониальные связи Алкмеонидов на ветвь рода Саламиниев: есть веские основания предполагать, что брак свояченицы Перикла Динамахи с его старым другом и соратником Клинием (Plat. Alc. I. 105d, 123c) состоялся именно по его инициативе⁶⁸. Не случаен тот факт, что после гибели Клиния в 447 г. опекуном его малолетнего сына, будущего знаменитого Алквиада, стал именно Перикл (Isocr. XVI. 28; Plat. Alc. I. 104, 118e, 124c; Plut. Alc. 1; 3). Они были достаточно близкими родственниками: Алквиад приходился самому Периклу двоюродным племянником, а его жене – родным.

Греческие авторы называют Алквиада ἀνεψιάδοϋς Перикла. Правда, Корнелий

⁶³ Безусловно, юридически аристократия в Афинах V в. не имела ровно никаких привилегий. Однако Р. Литтман (Op. cit. P. 210) остроумно замечает, что, будь Перикл, скажем, бедняком откуда-нибудь из Марафона, выходцем из безвестной семьи, не имевшей разветвленных родственных связей, вряд ли ему, при всех его политических талантах, удалось бы стать «первым гражданином».

⁶⁴ Впечатляющую картину действий Перикла в этом ключе дает Р. Сили (The Entry of Pericles... Passim), хотя порой она, на наш взгляд, страдает преувеличениями и односторонностью.

⁶⁵ Именно в такую последовательность ставит эти браки Плутарх. Попытки ряда исследователей (Сили, Дейвиса) «поменять» их местами (вначале брак с Периклом, затем – с Каллием) заставляют прибегать к произвольным эмendaциям текста источника и, кроме того, приводят к противоречиям в хронологии: Каллий, сын этой женщины от Гиппоника, был, несомненно, старше ее детей от Перикла.

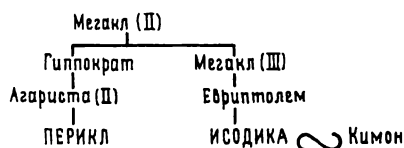
⁶⁶ Bicknell. Studies... P. 64–76.

⁶⁷ Davies. Op. cit. P. 305; Bicknell. Studies... P. 89–95.

⁶⁸ Genealogия семьи Алквиада–Клиния была в течение долгого времени предметом острых дискуссий (Dittenberger W. Die Familie des Alcibiades // Hermes. 1902. 37. 1. S. 1–13; Vanderpool E. The Ostracism of the Elder Alcibiades // Hesperia. 1952. 21. 1. P. 1–8; Raubitschek A.E. Zur attischen Genealogie // Rheinisches Museum für Philologie. 1955. 98. 3. S. 258–262; Thompson W.E. The Kinship of Pericles and Alcibiades // GRBS. 1970. 11. 1. P. 27–33; Stanley P.V. The Family Connection of Alcibiades and Axiochus // GRBS. 1986. 27. 2. P. 173–181; Ellis. Op. cit. P. 1–9), в ходе которых, кажется, удалось восстановить достаточно полную стемму.

Непот (Alc. 2) считает, что Алкивиад был его «пасынком» (*privignus*)⁶⁹, но это стоящее особняком сообщение – скорее всего плод нередкой у римского биографа путаницы.

Неровно развивались отношения Перикла с Филаидами. Связи родства, безусловно, не могли не давать о себе знать: Перикл и Исодика, жена Кимона, были троюродными братом и сестрой.

С другой стороны, отцы Перикла и Кимона были врагами: Ксантипп в свое время добился осуждения Мильтиада. Напряженность между семьями была отчасти снята брачным альянсом 480 г., но в целом в отношениях Перикла и Кимона, насколько можно судить, чередовались периоды коалиции и конфликта⁷⁰.

Во многом в русле родовой, аристократической политики лежит еще и известный закон Перикла о гражданстве 451 г. до н.э.⁷¹, согласно которому афинскими гражданами считались те, кто мог подтвердить свою принадлежность к гражданскому коллективу и по мужской, и по женской линиям. Если ранее в этой сфере действовал старинный принцип, учитывавший лишь принадлежность отца и не принимавший в расчет происхождение матери (этот принцип прослеживается еще у Эсхила, ср. *Eum.* 657–666), то Перикл привлек внимание афинян к женской линии. Этим, помимо прочего, наносился удар по Кимону, матью которого была фракийская царевна Гегесипила (*Plut. Cim.* 4; *Marcellin. Vita Thuc.* 17). Интересно, что в данном случае Перикл вел весьма рискованную игру: возбуждение интереса к женской линии косвенно ударяло и по нему, напоминая, что он причастен к Килоновой скверне по матери. Однако, будучи изощренным и талантливым политиком, Перикл не боялся удара по этой «болевым точкам»: он знал, что возбуждать вопрос о родовом проклятии отнюдь не в интересах Кимона, имевшего детей от «оскверненной» Исодики.

Вопрос о детях Кимона относится к числу дискуссионных. Автор V в. до н.э. Стезимброт в произведении «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле» (*FGrHist* 107 F6) считает Лакедемония и Улия (Элея) рожденными от матери-аркадянки (из города Клитор); в таком случае только Фессал оказывается сыном Исодики. Однако Стезимброт не пользуется репутацией авторитетного источника⁷². Видимо, ближе к истине сообщение периегета Диодора (*FGrHist* 372 F 37), согласно которому все три сына Кимона были рождены в законном браке с Исодикой⁷³. Очевидно, Перикл, ведя не вполне чистую политическую игру, попросту публично клеветал на сыновей Кимона, попрекая их матью-неафинянку (*Plut. Per.* 29) и этим заставляя их самих раскрывать свое истинное происхождение от «проклятых».

Разрыв. К середине 440-х годов до н.э. Перикл достигает полного успеха, покончив

⁶⁹ Именно на этом свидетельстве строит свою гипотезу Р. Кроми (*On Deinomache...*)

⁷⁰ Наиболее подробно этот сюжет освещен в работе: *Sealey. The Entry of Pericles...* P. 144 ff. Впрочем, серьезные возражения вызывает характеристика, даваемая Сили Периклу как человеку из окружения Кимона. Их противостояние, согласно всей античной традиции, все же имело место, и отрицать его нет никаких оснований. Ср. *Cox C.A. Incest, Inheritance and the Political Forum in Fifth-Century Athens // Classical Journal.* 1989. 85. 1. P. 34–46.

⁷¹ *Arist. Ath. pol.* 26.4; *Plut. Per.* 37; *Ael. Var. hist.* VI. 10; XIII. 24.

⁷² О нем см. *Pearson L. The Local Historians of Attica.* Repr. ed. Ann Arbor, 1981. P. 49 f.

⁷³ Высказывалось даже мнение (*Raubitschek. The Ostracism...*; *Cromey R.D. The Mysterious Woman of Kleitor // AJPh.* 1991. 112. 1. P. 87–101), что в кодексы Плутарха вкралась ошибка переписчика и вместо Κλιτορίας следует читать ἀλκτριάς («оскверненной»). Однако оснований для такой конъектуры явно недостаточно.

со всеми серьезными соперниками (в 444 г. был изгнан остракизмом Фукидид, сын Мелесия, породнившийся с Филаидами⁷⁴) и заняв исключительное положение в афинском полисе. Теперь он, в принципе, не нуждался в существенной поддержке рода или какой-либо политической группировки и мог опираться на собственные силы, выступая от имени всего демоса.

В этих условиях происходит быстрое отчуждение Перикла от Алкмеонидов. Около 445 г. он разводится со своей первой женой и вступает в брак с неафинячкой Аспасией⁷⁵. Вокруг Перикла, насколько можно судить, именно в период его близости к Аспасии складывается знаменитый кружок деятелей культуры, не имевший ничего общего с традиционными гетериями, строившихся на принципах родства, клиентелы и «политической дружбы» (φιλία)⁷⁶. Новые соратники Перикла не были ни его родственниками, ни в большинстве случаев и афинянами. Анаксагор происходил из Клазомен, Протагор – из Абдеры, Геродот – из Галикарнасса; Фидий, хотя и являлся афинским гражданином, был, как и подобало художнику, мало привязан к какому-то конкретному полису, работая во многих городах Эллады – Дельфах, Олимпии, Платее и др.⁷⁷

Здесь необходимо отметить, что «кружок Перикла» зачастую приобретает в литературе чрезмерно широкие, расплывчатые очертания. Порой в него стремятся включить едва ли не всех представителей греческой интеллектуальной элиты V в., так или иначе связанных с Афинами⁷⁸. Так, по распространенному мнению, к этому кружку примыкал Софокл. Однако несомненно, что, во всяком случае, в начале СВОЕЙ деятельности Софокл пользовался поддержкой Кимона (Plut. Cim. 8), как Эсхил – Перикла. Виктор Эренберг посвятил монографию⁷⁹ доказательству того, что по крайней мере в области мировоззрения Перикл и Софокл были антиподами. Софокл являлся характерным представителем традиционного, консервативного благочестия, что с особой силой сказывалось на его неизменно пиететическом отношении к Дельфам. Но это неизбежно должно было противопоставить его Периклу и в политической сфере, поскольку в течение Пентеконтаэтии отношения между Афинами и Дельфами, не в последнюю очередь благодаря Перикловой политике (см. ниже), неуклонно ухудшались. С другой стороны, нет оснований отрицать близость к Периклу Геродота (вспомним кстати об участии последнего в выведении Фурий), хотя из этого, разумеется, отнюдь не вытекает с неизбежностью мнимая «проперикловская» позиция историка. Интересно, что Геродот, судя по всему, был близок к Софоклу (Plut. Mor. 785b).

Именно к периоду после 445 г. следует, судя по всему, отнести и свидетельство Плутарха (Per. 7) о едва ли не демонстративном отказе Перикла от тесного общения с друзьями и родственниками. Даже на свадебном пире своего двоюродного брата Евриптолема⁸⁰ он не остался до конца. Традиция сохранила заявление Перикла (очевидно, пользовавшееся популярностью), что он не поступит ради дружбы законностью и общественной пользой (Plut. Mor. 186b; 531c; 808ab). Иными словами, Перикл отказался от услуг гетерии.

Чрезвычайно интересен еще один факт. Автором декрета (IG I².77), относящегося, судя по всему, именно ко второй половине 440-х годов (или чуть позже) и устанавливающего наследственные почести потомкам тираноубийц Гармония и Аристоклитона, был именно Перикл, если верно никем не оспариваемое восстановление его имени из

⁷⁴ О датировке см. Andrewes A. The Opposition to Pericles // JHS. 1978. 98. P. 7.

⁷⁵ Plut. Per. 24; Lucian. Gall. 19; Athen. XI. 533d; Schol. Aristoph. Ach. 527.

⁷⁶ Connor. Op. cit. P. 25–32.

⁷⁷ Gauer W. Das Athenerschatzhaus und die marathonschen Akrothina in Delphi // Forschungen und Funde. Innsbruck, 1980. S. 129 f.; Mattusch C. The Eponymous Heroes: The Idea of Sculptural Groups // AAAD. P. 74–75.

⁷⁸ Ср., например, Schachermeyr F. Religionspolitik und Religiosität bei Perikles. Wien, 1968. S. 46. Критику данной тенденции см. Stadter Ph. Pericles among the Intellectuals // ICS. 1991. 16. 1/2. P. 111–124.

⁷⁹ Ehrenberg. Sophocles and Pericles.

⁸⁰ П. Бикнелл (Studies... P. 89 ff.) считает этого Евриптолема сыном Мегакла (IV).

сохранившегося [...] κλες⁸¹. Таким образом, и в данном вопросе Перикл если и не опровергает прямо, то, во всяком случае, отнюдь не разделяет бытовавшую среди Алкмеонидов традицию, согласно которой честь освобождения Афин принадлежала их роду, а не тираноубийцам. В противовес «алкмеонидовской» версии событий Перикл опирается на общеафинскую, особенно популярную в широких слоях демоса.

Внешняя политика Перикла во многих отношениях также не только вышла из русла алкмеонидовской традиции, но и приобрела противоположную направленность. Особенно ясно это видно в отношении Перикла к Дельфам⁸².

Хорошо известны давние и прочные связи Алкмеонидов с этим авторитетнейшим религиозным центром греческого мира. Связи эти восходят еще к началу VI в. до н.э., к Первой Священной войне⁸³. Тогдашний глава рода Алкмеон в 595 г. командовал афинским военным контингентом в этом конфликте (Plut. Sol. 11); впоследствии он был настолько влиятелен в кругах дельфийского жречества, что смог оказать весьма серьезное содействие прибывшим к оракулу послам лидийского царя (Herod. VI. 125). Установленные контакты не прерывались, судя по всему, в течение всего VI в. Во всяком случае, в период своих изгнаний из Афин при тиранах в 546–527 и 514–510 гг. до н.э. Алкмеониды избрали местом своего пребывания именно Дельфы, где и приняли участие в реставрации после пожара храма Аполлона. Алкмеониды завершили восстановление этого сооружения, взявшись за него в период своего второго изгнания, т.е. после 514 г.⁸⁴; видимо, строительство продолжалось и после возвращения Алкмеонидов в Афины, в 500-х годах.

Во многом благодаря расположению со стороны Дельфов Алкмеонидам удалось в 510 г. вернуться на родину, добившись изгнания тиранов спартанским войском Клеомена I⁸⁵. Высказывалось мнение, что в ликвидации афинской тирании была более всех заинтересована Спарта, использовавшая и Дельфы, и Алкмеонидов лишь для прикрытия⁸⁶. Безусловно, эта акция прекрасно укладывалась в русло общей антитиранической политики Спарты в VI в. до н.э.⁸⁷; освобождение Афин могло способствовать вовлечению этого полиса в спартанскую сферу влияния, вплоть до включения его в Пелопоннеский союз. Однако, по нашему мнению, нельзя сбрасывать со счетов и религиозный авторитет Дельфов, и большое значение, придававшееся их оракулам (в частности, только Дельфы могли санкционировать разрыв ксении между Спартой и Писистратидами), и, наконец, действительно серьезное отношение спартанцев к религии, в особенности к оракулам⁸⁸.

⁸¹ Podlecki A.J. The Political Significance of the Athenian «Tyrannicide» – Cult // *Historia*. 1966. 15. 2. S. 129–141; Lavelle. Op. cit. P. 41, 52; Forrest W.G. Aristophanes, *Lysistrata* 231 // *CIQ*. 1995. 45. 1. P. 240.

⁸² Религиозной политике Перикла (и, в частности, его отношениям с Дельфами) посвящена упомянутая специальная монография Ф. Шахермайра, на ее выводах мы во многом и основываемся.

⁸³ Глаускина Л.М. Дельфы в период Первой Священной войны // *ВДИ*. 1951. № 2. С. 213–221; Forrest W.G. The First Sacred War // *BCH*. 1956. 80. 1. P. 39–42; *idem*. *Delphi, 750–500 B.C.* // *САН*. 2 ed. V. 3. Pt. 3. Camb., 1982. P. 312 ff.

⁸⁴ La Coste-Messelière P. de. Les Alcéonides à Delphes // *BCH*. 1946. 70. P. 271–288; Prontera P. Gli Alcmeonidi a Delfi // *RA*. 1981. 2. P. 256; Maass M. Die wirtschaftlichen und politischen Umstände der delphischen Tempelbauten // *Ktema*. 1988. 13. P. 9. Трудно согласиться с У. Чайлдсом, датирующим завершение восстановления храма временем ок. 530 г. (Childs W. The Date of the Old Temple of Athena on the Athenian Acropolis // *AAAD*. P. 1).

⁸⁵ Herod. V. 63–65; Aristoph. *Lys.* 614 sqq., 1150 sqq.; Arist. *Ath. pol.* 19. 4–6.

⁸⁶ Макаров И.А. Тирания и Дельфы в рамках политической истории Греции второй половины VII–VI в. до н.э. // *ВДИ*. 1995. № 4. С. 130; *он же*. формы идеологического обоснования раннегреческой тирании: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1995. С. 22; Parke H.W., Wormell D.E.W. *The Delphic Oracle*. V. 1. Oxf., 1965. P. 144–150; Littman. Op. cit. P. 125–130.

⁸⁷ Мы пока не видим достаточных оснований разделять тотальный скептицизм И.А. Макарова (Тирания и Дельфы... С. 129–131) по отношению к весьма ранней и авторитетной (Herod. V. 92.1; Thuc. I. 18. 1) традиции об антитиранической тенденции во внешней политике позднеархаической Спарты.

⁸⁸ Ср. Залюбовина Г.Т. Архаическая Греция: особенности мировоззрения и идеологии. М., 1992. С. 51; Залюбовина Г.Т., Щербаков В.И. Афины в период становления гражданской общины: афинские тираны и

При этом вовсе не обязательно принимать версию Геродота о прямом подкупе оракула Клисфеном. Даже всех богатств Алкмеонидов, безусловно, попросту не хватило бы, чтобы подкупить жречество богатейшего в Греции святилища. Собственно, подкуп как таковой был и не нужен: Дельфы симпатизировали Алкмеонидам как в силу их давних взаимоотношений, так и в связи с реставрацией храма τοῦ παραδείματος κάλλιον (Herod. V. 62.3).

Близость Алкмеонидов к Дельфам проявилась и в покровительстве последних реформам Клисфена, в частности, в благоприятном ответе Пифии на запрос афинян, связанный с переименованием фил (Arist. Ath. pol. 21.6). При негативном отношении к реформам оракул мог бы дать прямо отрицательное, как в аналогичной ситуации Клисфену Сикионскому (Herod. V. 67. 3), или двусмысленное прорицание⁸⁹.

После Клисфена, в начале V в. до н.э., симпатии Дельфов к Алкмеонидам не прекращаются. Умеренно проперсидская позиция, занятая Алкмеонидами в Афинах накануне мидийских войн, вполне совпадала с позицией дельфийского жречества⁹⁰. Отнюдь не случайно Мегакл (IV), изгнанный из Афин остракизмом в 486 г., практически сразу оказался в Дельфах, где в том же году стал победителем в Пифийских играх. На его победу написал VII Пифийскую оду Пиндар. Этот близкий к Дельфам поэт находился, судя по всему, в весьма тесных отношениях с Алкмеонидами. Ему принадлежал также трен на смерть Гиппократа – отца Мегакла, брата Клисфена и деда Перикла (Pind. fr. 137)⁹¹.

VII Пифийская ода отличается более интимным, личным тоном, чем большинство других од Пиндара. Чувствуется, что автор лично знает заказчика, его семью, находится с ним в дружеских отношениях. В оде проходят аллюзии на постройку Алкмеонидами храма Аполлона (ст. 10–12), на их победы в панэллинских играх (ст. 13–17), на недавний остракизм Мегакла (ст. 18–19). Ни словом не упоминается Марафон, где роль Алкмеонидов была двусмысленной.

Итак, вплоть до Перикла многолетние связи Алкмеонидов и Дельфов отличаются прочностью и стабильностью. Однако затем происходит достаточно серьезный перелом. Вся эпоха Перикла становится временем резкого ухудшения отношений между Афинами и Дельфами. К моменту начала Пелопонесской войны оракул оказывается всецело на стороне Спарты (Thuc. I. 118. 3). В самом требовании «изгнать скверну», направленном спартанцами афинянам в 432 г. (Thuc. I. 126–127; Plut. Per. 33), ошутимо дельфийское влияние⁹². Таким образом, при Перикле традиционная дружба Дельфов с его родом решительно пресеклась.

Думается, причина недружелюбия дельфийского жречества к Периклу та же, что в свое время к Писистрату и Писистратидам⁹³. Имперские притязания перикловых Афин распространялись не только на политическую, но и на религиозную и культурную сферы. И вот здесь они вступали в прямое противоречие с интересами Дельфов, по-прежнему отстаивавших свой авторитет как главного общегреческого религиозного

полисная религия // Ранние цивилизации... С. 29; Sealey. A History... P. 146; Lewis D.M. The Tyranny of the Pisistratidae // САН. 2 ed. V. 4. Camb., 1988. P. 300–302; Zahrt M. Delphi, Sparta und die Rückführung der Alkmeoniden // ZPE. 1989. 76. S. 297–307; Robinson. Op. cit.

⁸⁹ Picard Ch. Le «présage» de Cléomènes (507 av. J.-C.) et la divination sur l'Acropole d'Athènes // REG. 1930. 43. P. 262–278; Schachermeyr F. Die frühe Klassik der Griechen. Stuttgart, 1966. S. 68; Shapiro H.A. Religion and Politics in Democratic Athens // AAAD. P. 123.

⁹⁰ Parke, Wormell. Op. cit. V. 1. P. 162.

⁹¹ Об Алкмеонидах и Пиндаре см. De Sanctis. Op. cit. P. 15–16; Schachermeyr. Die frühe Klassik... S. 246 f.; Ehrenberg. From Solon to Socrates... P. 174 f.; Webster T.B.L. Athenian Culture and Society. Berkeley, 1973. P. 168–169; Dickie. Op. cit.

⁹² Cp. Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. 2 Aufl. Bd 1. München, 1955. S. 640.

⁹³ В настоящее время ни один серьезный исследователь, за исключением стоящего на гиперкритических позициях И.А. Макарова (Тирания и Дельфы... С. 122), не оспаривает традиции о напряженности, существовавшей между династией афинских тиранов и дельфийским святилищем. Cp. Parke H.W. The Oracles of Zeus. Camb. Mass., 1967. P. 131–134, 185 f.; Boardman J. Herakles, Delphi and Kleisthenes of Sikyon // RA. 1978. 2. P. 227–234; Littman. Op. cit. P. 153–155. Судя по всему, Писистратида вели курс на превращение Афин в один из крупнейших самостоятельных религиозных центров Греции, независимых от Дельфов.

центра. Вся деятельность Перикла и объективно, и субъективно была направлена на подрыв этого дельфийского авторитета. В замыслах афинского «олимпийца» именно Афины, а не Дельфы и не какое-нибудь другое место, должны были стать первой святыней Эллады⁹⁴.

Антидельфийская направленность видна во многих мероприятиях Перикла. Следует отметить предпринятую им в 448 г. (после возобновления Каллиева мира) попытку созыва в Афинах общеэллинского конгресса, главными вопросами которого должны были стать культовые – восстановление сожженных персами греческих храмов и благодарственные жертвоприношения по поводу победы (Plut. Per. 17). В случае удачи этой акции Афины, несомненно, приобрели бы огромное значение в религиозной жизни Греции. Однако усилиями лакедемонян конгресс был сорван. Открыто афино-дельфийская враждебность проявилась во Второй Священной войне (наиболее вероятная дата – 448 г.⁹⁵; можно рассматривать ее как одну из кампаний Малой Пелопоннесской войны). В ходе военных действий Дельфы были временно отбиты Периклом у дельфийского жречества, поддерживаемого Спартой, и переданы фокидцам (Thuc. I. 112. 5; Plut. Per. 21).

В этом же контексте следует рассматривать основание в 443 г. по инициативе Перикла и под эгидой Афин общегреческой колонии Фурий в Италии (Strabo. VI. 263; Plut. Per. 11). Данная акция не могла не быть вызовом дельфийскому Аполлону, традиционно считавшемуся покровителем колонизации. О религиозном значении основания Фурий говорит уже тот факт, что ойкистом колонии (по крайней мере, со стороны афинян) был назначен известный прорицатель Лампон⁹⁶. Лампон был заметной фигурой в перикловых Афинах⁹⁷. Он являлся не только прорицателем (ἰερομολόγος καὶ μάτις, ср. Schol. Aristoph. Av. 521), но и жрецом (θύτης), и экзегетом (Eurpolis fr. 297 Kock), а, кроме того, принадлежал к ближайшему окружению Перикла (Arist. Rhet. 1419a2; Plut. Per. 6).

Наконец, следует сказать несколько слов и о грандиозной строительной программе Перикла, в ходе реализации которой город украсился архитектурными памятниками, величием и красотой превосходившими все, что до того приходилось видеть афинянам, да и не только им (ср. Plut. Per. 12–13)⁹⁸. Было бы непростительным упрощением трактовать эту программу только в рамках афино-дельфийского соперничества, однако существуют серьезные основания полагать, что и этот аспект в ней также присутствовал. Перикл стремился сделать родной город не только политическим гегемоном греческого мира, но и его важнейшим культурным, религиозным центром; он видел в Афинах не только столицу морской державы, но и «школу Эллады» (Thuc. II. 41. 1). Если же в предшествующую эпоху какой-нибудь город и мог заслужить столь почетное наименование, то это были именно Дельфы, санкционировавшие своим авторитетом ряд важных новшеств в идейном развитии архаической эпохи (в частности, феномен раннего греческого законодательства). Теперь эту роль готовились перенять перикловы Афины, что никак не могло быть встречено с энтузиазмом в Аполлоновом святыще.

Отметим в связи с вышесказанным два интересных обстоятельства. Во-первых, начало строительства на Акрополе относится к 440-м годам, т.е. как раз к тому периоду,

⁹⁴ Ср. Knox B. Sophocles and the Polis // *Entretiens sur l'antiquité classique*. 1983. 29. P. 27.

⁹⁵ Хронологию см. Badian. Op. cit. P. 103. Подробнее о войне см. Hornblower S. The Religious Dimension to the Peloponnesian War // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1992. 94. P. 177–184.

⁹⁶ Diod. XII. 10; Plut. Mor. 812d; Schol. Aristoph. Nub. 332; Hesyeh. s.v. θουριόματις.

⁹⁷ О нем см. Schachermeyr. Religionspolitik... S. 26 ff.

⁹⁸ Мы не имеем здесь возможности подробно рассмотреть этот вопрос. См. Nilsson M.P. Greek Piety. Oxf., 1948. P. 66–71; Boersma J.S. Athenian Building Policy from 561/0 to 405/4 B.C. Groningen, 1970; Donnay G. Politische Anspielungen in der attischen Kunst des 5. Jahrhundert // *Perikles und seine Zeit...* S. 379–394; Knell. Op. cit.; Zinserling G. Das Akropolisbauprogramm des Perikles // *Kultur und Fortschritt in der Blütezeit der griechischen Polis*. B., 1985. S. 206–246; Corso A. Monumenti Periclei. Venezia, 1986; L'esperimento della perfezione: Arte e società nell' Atene di Pericle / A cura di E. La Rocca. Milano, 1988; Castriota D. Myth, Ethos and Actuality: Official Art in Fifth-Century B.C. Athens. Madison, 1992. P. 134–229.

когда произошло отчуждение Перикла от Алкмеонидов. Во-вторых, среди перикловых построек мы обнаруживаем почти исключительно храмы и другие культовые сооружения. Афинский «олимпиец» совершенно пренебрегал гражданской архитектурой, общественными зданиями утилитарного назначения⁹⁹. Не удивительно, что обновленные Афины почти сразу же стали центром паломничества греков (ср. *Agistoph. Nub.* 300 sqq.).

В то время как Афины демонстративно противопоставляли себя Дельфам, Спарта систематически подчеркивала свое почтение к оракулу, давая понять, что она не претендует на духовное господство в Элладе, довольствуясь политической гегемонией. Это и обусловило недвусмысленно лаконофильскую позицию жречества Аполлона в Пелопоннесской войне. Характерно, что и в самих Афинах противники Перикла, лаконофилы высказывали пиетет к Дельфам. Так, Кимон посвятил в дельфийский храм скульптурную группу работы Фидия (*Paus. X. 10. 1*)¹⁰⁰.

Впрочем, некоторые исследователи¹⁰¹, опираясь на зафиксированный в источниках (*Thuc. II. 13. 1; Plut. Per. 33*) факт ксении, существовавшей между Периклом и спартанским царем Архидамом, считают, что и Перикл был политиком скорее расположенным к Спарте, нежели враждебным ей. Рассматриваемая ксения была скорее всего заключена в 479 г., в тот момент, когда отец Перикла Ксантипп и дед Архидама Леотихид командовали греческим флотом при Микале. В период ухудшения афино-спартанских отношений эта ксения, очевидно, надолго отошла на задний план, о ней едва ли не забыли. Аналогичная ксения со Спартой (с семьей эфора Эндия) в семье Алкивиада была попросту разорвана в 460-х годах¹⁰². Ксенов в Спарте имели многие афинские политики, и не только лаконофилы Исагор (*Herod. V. 70. 1*) или Кимон (*Plut. Cim. 14*), но и те, о симпатии которых к Спарте ничего не известно, – упоминавшийся выше Алкивиад, а также семья Каллия-Гиппоника (*Xen. Hell. V. 4. 22; VI. 3. 4*). Таким образом, спартанская ксения не может служить свидетельством тесных контактов Перикла со Спартой.

«Возмездие». Годы фактического правления Перикла, второй период его деятельности можно охарактеризовать как время нарастания рационализма в афинском обществе¹⁰³. Опора на личные отношения уступает место безличным соображениям законности и государственного интереса. Пример самого лидера, демонстративно порывающего с семейными, родовыми связями, становится парадигматичным для властных структур полиса. Кстати, не лишено оснований предположение, что именно к «Периклову веку» относится изменение порядка избрания стратегов: теперь они избираются не по филам, как прежде, а из всего состава граждан¹⁰⁴. Это означает тот же крен от традиционных связей и структур к рациональной консолидации полиса.

⁹⁹ К таковым можно отнести разве что Одеон, однако и в сооружении такого назначения религиозная семантика должна была быть не менее значимой, чем политическая. В высшей степени интересно наблюдение И.А. Макарова (Формы идеологического обоснования... С. 23), что аналогичная «религиозная» и демонстративная направленность строительной политики характерна для тиранов архаической эпохи, в частности для Писистратидов. Резкий контраст представляет эпоха Клисфена с решительным преобладанием гражданских построек (ср. *Camp. Op. cit. P. 11–12; Shear T.L. Ἰσοβόμος τ' Ἀθήνας ἐπολιτεύθη: The Agora and the Democracy // A.A.A.D. P. 225–248.*

¹⁰⁰ *Mattusch. Op. cit. P. 73–74.*

¹⁰¹ *Sealey. The Entry of Pericles... P. 152; Littman. Op. cit. P. 205.*

¹⁰² *Thuc. V. 43. 2, ср. VIII. 6. 3; Plut. Alc. 14.* См. *Kebric R.B. Implications of Alcibiades' Relationship with Endius // Mnemosyne. 1976. 29. 1. P. 72–78.* Подробнее о ксениях см. *Herman G. Ritualised Friendship and the Greek City. Camb., 1987.*

¹⁰³ Ср. *Зайцев А.И. Перикл и его преемники // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 25–28.*

¹⁰⁴ *Arist. Ath. pol. 61.1; ср. Philoch. FGrHist 324 F38; см. Ehrenberg V. Pericles and his Colleagues between 441 and 429 B.C. // AJPh. 1949. 66. 2. P. 113–134; Fornara. Op. cit. P. 26 (Ч. Форнара относит эту реформу к чуть более раннему времени). М. Хансен (Hansen M.H. The Athenian Board of Generals // Studies in Ancient History and Numismatics Presented to R. Thomsen. Aarhus, 1988. P. 69–70) без серьезных оснований относит реформу к середине IV в. – такая датировка крайне маловероятна.*

Судя по всему, рационалистом был Перикл и в религиозной области¹⁰⁵. По мнению Ф. Шахермайера, он являлся человеком глубоко религиозным, но представителем новой, «просвещенной» религиозности, приходившей в столкновение со старой, традиционной. К тому же Перикл не мог не понимать важности почитания богов для внутренней и внешней политики. Даже скептически относясь к приметам, он как государственный деятель в случае появления таковых не вправе был пренебречь консультацией экзегета (Plut. Per. 6; ср. 13)¹⁰⁶. Б. Нокс¹⁰⁷ обратил внимание на то, что в знаменитой надгробной речи Перикла (Thuc. II. 35–46) ни разу не встречается слово θεός, и вообще Фукидид нигде не вкладывает ему в уста этого слова. Растущая δὴναμις Афин – вот реальный объект религиозного чувства Перикла.

Однако традиционное мировоззрение было еще, в сущности, непоколебимо в массе афинян; не удалось пошатнуть его устои и Периклу. Во второй половине 430-х годов до н.э. набирает силу оппозиция афинскому «олимпийцу», в которой сливаются как его старые аристократические противники (возвратившийся из изгнания Фукидид, сын Мелесия), так и радикальные демагоги (Клеон). Тех и других объединяло неприятие именно рациональных начал в перикловской политике: с одной стороны, его пренебрежения связями родства, с другой – его «просвещенной религиозности», подрывавшей устоявшиеся представления о богах и божественном¹⁰⁸.

Оппозиция, в кругах которой сложилась настоящая антиперикловская традиция (ярче всего проявившаяся у авторов древней комедии, цитатами из которых буквально усеяна плутарховская биография Перикла), наносила удар за ударом по стареющему первому стратегу, в том числе и по одной из главных его болевых точек – по алкмеонидовскому происхождению Перикла, о котором он так хотел бы забыть. Вновь всплыли старые обвинения Алкмеонидов в дружбе с тиранами, в персидской измене, в родовом проклятии. Периклу и его «мозговому центру» пришлось вступить в эту войну пропаганды, изыскивая опровержения и оправдания¹⁰⁹.

Атака на Перикла достигла апогея в череде судебных процессов против членов его кружка. С большим или меньшим успехом обвинениям подверглись Анаксагор, Фидий, Аспасия (Plut. Per. 31–32; Diog. Laert. II. 12). Характерно, что во всех этих процессах фигурировала ἀσέβεια (нечестие) или аналогичные категории. С одной стороны, в этом виден протест против рационализма Перикла и его окружения в религиозных вопросах; с другой – древнее преступление Алкмеонидов во время подавления мятежа Килона было именно асебией¹¹⁰.

В контексте антиперикловских выступлений следует рассматривать и требование «изгнать скверну» (τὸ ἄγος ἐλαίειν), предъявленное в 432 г. афинянам Спартой¹¹¹.

¹⁰⁵ Cic. De rep. I. 16. 25; Plut. Per. 35; 38. Мировоззрение Перикла наиболее подробно освещено в книгах: Ehrenberg. Sophocles and Pericles...; Schachermeyr. Religionspolitik...

¹⁰⁶ Наиболее характерные места источников, свидетельствующих о религиозных взглядах Перикла: Thuc. II. 64. 2; [Lys.] VI. 10; Plut. Per. 8 in fine. Все эти пассажи претендуют быть цитатами из речей самого Перикла.

¹⁰⁷ Knox. Op. cit. P. 27.

¹⁰⁸ См. Корзун М.С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до н.э. Минск, 1975. С. 40 сл.; Залюбовина Г.Т. Εὐσέβεια и ἀσέβεια в общественной жизни эллинов архаического и классического периодов // Социально-политические, идеологические проблемы истории античной гражданской общины. М., 1992. С. 37–42; Kienast D. Der innenpolitische Kampf in Athen von der Rückkehr des Thukydides bis zu Perikles' Tod // Gymnasium. 1953. 60. 3. S. 210–229; Frost F.J. Pericles, Thucydides Son of Melesias and Athenian Politics before the War // Historia. 1964. 13. 4. S. 385–399; Schachermeyr F. Religionspolitik... S. 71 ff.; Mansfeld J. The Plot against Pericles and his Associates // Mnemosyne. 1980. 33. 1/2. P. 17–95; Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley, 1986. P. 191–198; Châtelet. Op. cit. P. 233–234.

¹⁰⁹ На отражение борьбы пропагандистских версий, например, у Геродота обратили внимание уже старые комментаторы этого автора: How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. V. 2. Oxf., 1912. P. 115 ff.; о пропагандистской борьбе этого времени см. также Podlecki. Op. cit. P. 140 f.; Ferrarese P. Caratteri della tradizione atipericlea nella «Vita di Pericle» di Plutarco // CISA. 1975. 3. P. 21–30; Lavelle. Op. cit. P. 130–131.

¹¹⁰ Так с полным основанием считают: Stroud R.S. Drakon's Law on Homicide. Berkeley, 1968. P. 70–74; Littman. Op. cit. P. 59; ср. Badian. Op. cit. P. 153 (где с наибольшей ясностью прослежена связь между двумя событиями).

¹¹¹ Thuc. I. 126–127; Plut. Per. 33; ср. Aristoph. Equ. 442 sqq.

В антиковедении существует тенденция недооценивать роль этого требования, сводить его к обычному пропагандистскому маневру, к тому же совершенно не достигшему цели¹¹². Впрочем, есть и попытки отнестись к инциденту более внимательно. Так, по замечанию Э. Берна, спартанцы, помимо обычного выбора религиозного *casus belli*, еще и направляли свой удар персонально против Перикла, стремясь подорвать доверие к нему¹¹³. На это указывают также Л. Пирсон, Дж. Уильямс, Л. Омо, Ф. Шахермайр, Ф. Эдкок и Д. Мосли, Д. Джиллис, Ч. Форнара и Л. Сэмонс¹¹⁴. По мнению М. Нильсона, спартанское требование показало влияние Дельфов и живучесть представлений о родовом проклятии¹¹⁵. На последнее обстоятельство обращают внимание также А.И. Доватур, Р. Паркер, У. Эллис¹¹⁶. Как отметил Г. Бенгтсон, данное требование свидетельствует о важной роли общественного мнения в рассматриваемую эпоху¹¹⁷. Л. Пранди, Д. Кэген находят прямую связь между спартанским ультиматумом и пошатнувшимся внутренним положением Перикла¹¹⁸.

Требование Спарты «изгнать скверну» было возможно при следующих двух предпосылках. Во-первых, Перикл должен был восприниматься (во всяком случае, его противниками) как один из Алкмеонидов. Во-вторых, память о скверне двухсотлетней давности была еще достаточно жива, чтобы если и не привести к удовлетворению ультиматума, то, во всяком случае, «получить наилучший повод к войне» и заронить в сознание афинян подозрения в отношении Перикла (Thuc. I. 126. 1; 127. 2). Весьма вероятно, что спартанцы переняли лозунг «изгнания скверны» у афинских противников Перикла. Безусловно, они не рассчитывали на его немедленное изгнание. Их планы были более реалистичными, но также далеко идущими: дискредитировать афинского лидера, добиться подрыва его авторитета. На первых порах это не удалось: афиняне (очевидно, по инициативе самого Перикла) отпарировали ответным требованием к спартамцам – очиститься от «собственных» скверн (Thuc. I. 128).

Однако первые годы Пелопоннесской войны изменили ситуацию. Особую роль сыграла разразившаяся в Афинах эпидемия – «чума» (λοῦρός), по определению Фукидида (II. 54. 3). Афиняне скоро связали болезнь со своим лидером, причем на двух уровнях. С одной стороны, осознавалось, что эпидемия и ее размах стали во многом следствием избранной Периклом оборонительной тактики с эвакуацией сельского населения в город, вызвавшей перенаселение Афин и антисанитарные бытовые условия (ср. Thuc. II. 17). С другой стороны, на уровне религиозных представлений чума, неизменно ассоциировавшаяся со скверной, была расценена значительной частью населения как кара богов за родовое проклятие Алкмеонидов. В сочетании с обвинениями против Перикла как представителя этого рода, со спартанским ультиматумом

¹¹² Ср., например, *Nesselhauf H. Die diplomatischen Verhandlungen vor dem Peloponnesischen Kriege // Hermes. 1934. Bd 69. Ht 3. S. 294; De Sanctis. Op. cit. P. 239–240; Bowra C.M. Periclean Athens. N.Y., 1971. P. 245; Ste Croix G.E.M. de. The Origins of the Peloponnesian War. Ithaca, 1972. P. 322; Sealey R. The Causes of the Peloponnesian War // CIPh. 1975. 70. 2. P. 108; Lévy E. Athènes devant la défaite de 404. P., 1976. P. 53; Rhodes P.J. Thucydides on the Causes of the Peloponnesian War // Hermes. 1987. Bd 115. Ht 2. S. 154–165.*

¹¹³ *Burn. Op. cit. P. 200 f.*

¹¹⁴ *Pearson L. Propaganda in the Archidamian War // CIPh. 1936. 31. 1. P. 43–45; Williams G.W. Op. cit.; Homo. Op. cit. P. 309; Schachermeyr. Religionspolitik... S. 71; Adcock F., Mosley D.J. Diplomacy in Ancient Greece. N.Y., 1975. P. 141; Gillis D. Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979. P. 52; Fornara, Samons. Op. cit. P. 1–2.*

¹¹⁵ *Nilsson. Geschichte... Bd 1. S. 640.*

¹¹⁶ *Доватур А.И. Феогнид и его время. Л., 1989. С. 103–105; Parker R. Miasma: Pollution and Purification in Early Greek Religion. Oxf., 1985. P. 183 f.; Ellis. Op. cit. P. 3.*

¹¹⁷ *Bengtson H. The Greeks and the Persians from the Sixth to the Fourth Centuries. L., 1969. P. 160; ср. idem. Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v. Chr. München. 1983. S. 136.*

¹¹⁸ *Prandi L. I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // Aevum. 1977. 51. 1/2. P. 10–26; Kagan D. The Outbreak of the Peloponnesian War. Ithaca–London, 1981. P. 316 ff. Вопрос подробно разобран Э. Бадианом (Op. cit. P. 152 ff.), принимающим в расчет все вышеуказанные обстоятельства и даже пытающимся спрогнозировать ход событий в случае удовлетворения спартанского требования. Специально трактующая вопрос статья Г. Шмидта (см. прим. 1) довольно поверхностна.*

тиматумом 432 г., наконец, с однозначно антиафинской позицией Дельфов – все это повело к новой и наиболее серьезной атаке на Перикла¹¹⁹.

«Первый гражданин» и фактический командующий вооруженными силами, стремительно впад в немилость, был досрочно отстранен от должности стратега. Судя по всему, именно в этот период состоялся и судебный процесс против Перикла по обвинению в финансовых злоупотреблениях (Thuc. II. 65. 3; Plut. Per. 32. 35). Характерно, что его противники постарались придать суду сакральный характер: было выдвинуто предложение (впрочем, не прошедшее), чтобы процесс проходил на Акрополе и судьи брали камешки для голосования с алтаря Афины, оскверненного в свое время Алкмеонидами¹²⁰.

Высказывалось предположение, что тогда же, в начале Пелопоннесской войны, при посредничестве Никия было организовано очищение Аттики с помощью привезенных с Крита святынь, связанных с Эпименидом¹²¹. Такая акция, если она действительно имела место, также должна была вызывать однозначную ассоциацию с проклятием Алкмеонидов: в начале VI в. до н.э. именно Эпименид очистил Афины от Килоновой скверны. Интересно, что к Никию был близок Диопиф (Schol. Aristoph. Equ. 1085) – прорицатель, начавший в конце 430-х годов кампанию нападок на кружок Перикла, внесший псефизму против «безбожников», ἀπερειδόμενος εἰς Περικλέα δι' Ἀναξαγόρου τὴν ὑπόνοιαν (Plut. Per. 32). Диопиф является также, судя по всему, соперником и врагом Лампона (Aristoph. Av. 988 cum schol.). Близок к Никию в эти годы был и Софокл (Plut. Nic. 15), о позиции которого будет сказано ниже. Возможно, в то же время, в тех же очистительных целях на Акрополе была поставлена статуя Килона, которую еще во II в. н.э. видел Павсаний (I. 28. 1)¹²².

Около 429 г. до н.э. была поставлена трагедия Софокла «Эдип-царь»¹²³. Творчеству Софокла, как и Эсхила, отнюдь не были чужды аллюзии на конкретные политические события, в той или иной мере проявившиеся в отдельных его драмах¹²⁴. Не следует забывать и того, что сам драматург был активным политиком – занимал должность эллинотамия, дважды был стратегом (о второй стратегии Софокла см. Plut. Nic. 41; Anonym. Vita Sophocli. 9), уже в преклонных годах входил в состав коллегии пробулов (Arist. Rhet. 1419a25)¹²⁵. Вполне резонной поэтому представляется попытка обнаружить в «Эдипе» отклик на общеизвестные перипетии времени, в которое он был поставлен.

Софокл пошел по тому же пути, что и Эсхил в «Эвменидах»¹²⁶, уже в первых строках драмы задавая контекст, вызывающий вполне определенные ассоциации. Описание чумы в Фивах (Oed. Rex 1–30) является очевидной параллелью к афинской эпидемии; в этих условиях Эдип в сознании зрителей должен был отождествляться с Периклом. Это отождествление затем подкрепляется обращением жреца к Эдипу (Oed. Rex 33): ἀνδρῶν πρῶτος; ср. πρῶτος ἀνὴρ – так античные авторы (например, Thuc. I. 139. 4) обычно характеризуют положение Перикла в Афинах. Связь чумы с родовым прокля-

¹¹⁹ Алексеев А.Н. О так называемой чуме в Афинах // ВДИ. 1966. № 3. С. 141 сл.; Pearson. Propaganda... P. 44; Delcourt. Op. cit. P. 241–242; Ehrenberg. Sophocles and Pericles... P. 150; Allison J.W. Pericles' Policy and the Plague // Historia. 1983. 32. 1. S. 14–23; Schwartz J.D. Human Action and Political Action in Oedipus Tyrannos // Greek Tragedy and Political Theory. Berkeley, 1986. P. 196; Giuliani A. Atene e l'oracolo delfico // CISA. 1993. 19. P. 90; Badian. Op. cit. P. 153.

¹²⁰ Ср. Корзун. Ук. соч. С. 68–69; Mansfeld. Op. cit. P. 47–51.

¹²¹ Huxley G. Nikias, Crete and the Plague // GRBS. 1969. 10. 2. P. 235–239; Schmidt. Op. cit. P. 19. Возражения см. Connor. Op. cit. P. 161.

¹²² Stroud. Op. cit. P. 72.

¹²³ Датировку см. Whitman C.H. Sophocles. Camb. Mass., 1951. P. 55.

¹²⁴ См. Fuscagni S. Sacrilegio e tradimento nell' Atene del V secolo // CISA. 1981. 7. P. 66; Vickers M. Alcibiades on Stage: Philoctetes and Cyclops // Historia. 1987. 36. 2. S. 171–197.

¹²⁵ Отметим, что все должности, занимавшиеся Софоклом, замещались на выборной основе, а не по жребию.

¹²⁶ См. Суриков. Афинский ареопаг... С. 38.

тием Эдипа рождает аллюзию на скверну Алкмеонидов и Перикла даже у исследователей XX в.¹²⁷

В дальнейшем цепь ассоциаций продолжается. Эдип в изображении Софокла предстает просвещенным правителем, рационалистически подходящим к религиозным вопросам (Oed. Rex 387 sqq., 964 sqq.), в частности, неоднократно высказывающим сомнение в правоте вещаний дельфийского оракула. Кстати, само введение дельфийской темы напоминает о роли и позиции Дельфов в начале Пелопоннесской войны. Во многих чертах интеллектуально одаренной, рассудительной, красноречивой Иокасты видится Аспасия. Финал драмы – крушение всех планов и надежд Эдипа, его вынужденное признание правоты оракула (Oed. Rex 1182) – вызывает в памяти тяжелую предсмертную болезнь Перикла, кончину его детей, опалу, духовный кризис в конце жизни¹²⁸.

На лексическом уровне слова *ἄγος*, *ἐλαύνειν* и производные от них, исключительно часто употребляемые Софоклом в отношении Эдипа¹²⁹, вполне могут быть реминисценцией требования спартанцев в 432 г. до н.э. (Thuc. I. 126. 2) – τὸ ἄγος ἐλαύνειν (имеются в виду Алкмеониды и Перикл). Ученый-филолог прошлого века Дж. Магаффи даже отрицал датировку Эдипа-царя первыми годами Пелопоннесской войны, считая, что в таком случае это была бы проспартанская, антиафинская и антиперикловская пьеса¹³⁰. Действительно, такая направленность выглядит достаточно странно, если считать Софокла человеком из кружка Перикла.

Однако В. Эренберг в упоминавшейся книге «Софокл и Перикл» убедительно показал, что Перикл и Софокл были представителями противоположных мировоззрений. По политическим убеждениям Софокл, кажется, был приверженцем «правления лучших», не исключено, что и лаконофилом; об этом говорят и его близость к Кимону, и его участие в коллегии пробулов и установлении олигархии Четырехсот. В религиозной же области для Софокла характерна недвусмысленно продельфийская ориентация. Несмотря на прямую враждебность к Афинам со стороны Дельфов, в обстановке распространившегося в среде афинян скептицизма и индифферентности по отношению к прорицаниям и мантике вообще (Thuc. II. 17. 1; 103. 2; VIII. 1. 1) драматург занял позицию полного прития и почтения к оракулу Аполлона. В трех из четырех дошедших до нас его трагедий периода Пелопоннесской войны («Эдип-царь», «Электра», «Эдип в Колоне») важнейшую роль играют именно дельфийские прорицания. Ф.Ф. Зелинский относил к продельфийским также дошедшие во фрагментах трагедии Софокла «Гермиона» и «Креуса»¹³¹. В этих условиях позиция поэта поневоле становилась не только религиозной, но и политической. В свете вышесказанного не кажется столь необычной направленность анализируемых аллюзий в Эдипе-царе. Направленность эта явно не в пользу Перикла.

Характерно, что, как только Перикл лишился сыновей и заболел сам, афиняне не только полностью простили его, вновь избрав стратегом (Thuc. II. 65. 4), но и оказали редкую милость, внося в списки граждан его незаконнорожденного сына вопреки закону, предложенному ранее самим же Периклом (Plut. Per. 37). По словам Плутарха, афинские граждане сочли, «что постигшее его несчастье есть кара разгневанного

¹²⁷ Wilamowitz-Moellendorff U. von. Der Glaube der Hellenen. 3 Aufl. Bd. 1. Basel-Stuttgart, 1959. S. 293; Vernani J.-P., Vidal-Naquet P. Myth et tragédie en Grèce ancienne. T. I. P., 1981. P. 117 suiv.

¹²⁸ Наличие «перикловских» аллюзий в «Эдипе-царе» признается в работах: Macurdy G.H. References to Thucydides, Son of Melesias, and to Pericles in Sophocles OT 863–910 // CIPh. 1942. 37. 3. P. 307–310; Whitman. Op. cit. P. 135 f.; Ehrenberg. Sophocles and Pericles... P. 114–116, 150; Schachermeyr F. Sophokles und die perikleische Politik // Perikles und seine Zeit... S. 359–378; Kagan. Pericles of Athens... P. 249–256; Fornara, Samons. Op. cit. P. 2; Giuliani. Op. cit. P. 90–92. Возражения см. Delcourt M. Stérilités mystérieuses et naissances maléfiques dans l'antiquité classique. P., 1938. P. 16–22; Dodds E.R. The Ancient Concept of Progress and Other Essays on Greek Literature and Belief. Oxf., 1985. P. 69–75; Redfield J. Drama and Community // Nothing to do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context. Princeton, 1990. P. 325.

¹²⁹ Soph. Oed. Rex 28, 98, 100, 255, 263, 402, 418, 656, 805, 921, 1261, 1426.

¹³⁰ Магаффи Дж. История классического периода греческой литературы. Т. 1. М., 1882. С. 272.

¹³¹ Zieliński Th. L'évolution religieuse d'Euripide // REG. 1923. 36. P. 459–479.

божества» (перевод С.И. Соболевского). Видимо, выработалось мнение, что Перикл, претерпев удары судьбы, искупил проклятие рода. Возможно, именно по этой причине вопрос о скверне Алкмеонидов, насколько можно судить, после Перикла больше никогда не вставал в открытой форме. Даже Алкивиаду не предъявлялись обвинения подобного рода, в том числе и такими яркими его врагами, как Лисий или Псевдо-Андокид¹³².

В общем и целом противникам Перикла (как внешним, так и внутренним) удалось добиться своего. Измученный преследованиями и болезнью, в последнюю пору своей жизни «афинский олимпиец» переживал тяжелый душевный кризис (Plut. Per. 36; 38)¹³³. Бремя родового проклятия Алкмеонидов всей своей тяжестью легло на политика, который приложил в течение своей карьеры максимум усилий, чтобы от него избавиться.

PERICLES AND THE ALCMAEONIDAE

I.E. Surikov

Was Pericles an aristocratic politician typical of early classical Athens whose policies reflected interests of his family, his *genos*, or an impartial statesman guided exclusively by the Athenians' good? To what extent did his Alcmaeonid origin influence his activities? Were his ties with that *genos* apparent in his life, and, if so, how, when, and under what circumstances? An answer to these questions may well lie in the sphere of chronology.

From the very beginning of Pericles' career two tendencies combined and competed in his political behaviour. He sought both to lean upon the Alcmaeonidae for support, to use their extensive connections, and to move away from the "accursed" family, to minimize his dependence on it. Since any political activity in Athens of the first half of the Vth century B.C. was conditioned by kinsmen's backing, the former trend in Pericles' policies prevailed entirely during his early career (till mid 440s B.C.). Pericles (half, if not 3/4, an Alcmaeonid, although formally a member of the *Buzygae genos*) started as an Alcmaeonid politician using methods characteristic of this family. First of all he strengthened matrimonial links inside and outside the *genos*.

After Pericles' complete victory over his rivals that occurred about mid 440s the statesman won an exceptional place within the *polis*. Since then he had had no need in a considerable backing by a family or a party and could act as the spokesman of the whole *demos*. Under such circumstances the latter trend in his policies soon triumphed over the former one. Pericles' move away from the Alcmaeonidae was manifest in a number of his steps. In 445 or so he divorced his first wife (his cousin, an Alcmaeonid, whose name is unknown) and married Aspasia who was a non-Athenian. Pericles and Aspasia became the centre of a circle of intellectuals (most of them also non-Athenians) who had nothing to do with traditional Athenian *hetairiai*. Pericles renounced close contacts with his kinsmen and *philoï*. Some features of his home and foreign policy at that time are also contrary to the Alcmaeonid tradition (e.g. his attitude to the tyrant-slayers, or his anti-Delphian actions). But in his declining years the «Olympian of Athens» was destined to learn once again the burden of his ancestral curse.

¹³² Lévêque, Vidal-Naquet. Op. cit. P. 117; Schmidt. Op. cit. P. 28; Forrest. Aristophanes... P. 240.

¹³³ Cp. Burn. Op. cit. P. 240.